

почвенности литературы: оно показывает, что существуют вопросы, на которые литература может так или иначе отвечать, или, по крайней мере, разрабатывать их в форме беллетристической, и что общество не хочет ждать, пока явится большой художественный талант, который даст этим вопросам постановку и разработку художественную. Мы, русские, избалованы нашими поэтами: мы привыкли к художественным формам мысли и хотели бы передумывать вопросы жизни по преимуществу в этих именно формах, на которых мы воспитываемся — Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Толстым, Гончаровым, Писемским, Островским. Это обилие художественных дарований, между которыми есть настоящие гении, внушало нам ложную мысль, будто изящная литература непременно должна быть художественной, — и мы забываем, что существуют в Европе литературы, которые целыми десятилетиями пробавляются одной беллетристикой и тем не менее свое дело делают. Не всякая такая удача, какая выпала на нашу долю.

Наконец, самое-то утверждение, будто в текущий момент у нас нет замечательных художественных дарований, не выдерживает критики и легко опровергается указанием на *Короленко*, *Чехова*, *Горького* и *Чурикова*. Как бы мы ни судили об этих писателях, — пусть даже два последние будут признаны величинами, еще не вполне определенными, — несомненно одно: дарования этих четырех писателей суть по преимуществу дарования *художественные*, а не только беллетристические.

Здесь будет у места отдать себе отчет в том, к чему собственно сводится различие между «беллетристикою» и «поэзией, как искусством».

То и другое одинаково есть «мысливание образами» (лирику мы оставляем пока в стороне). Стало быть, различия нужно искать только в характере самих образов: в поэзии образы не такие, как в беллетристике. Вникая в дело, мы легко убедимся, что это различие существовало принципиально: образы беллетристические не суть как бы только разновидность художественных, или образы с неосуществленной, неудавшейся художественностью; те и другие различны по самому типу и строю, они суть продукты весьма несходных умственных процессов.

Образы художественные или «типы» создаются процессом *индуктивным* — от частного к общему. Они всегда обобщают. Образы беллетристические получаются путем *дедуктивным* и являются только иллюстрацией уже готового обобщения или какой бы то ни было общей мысли. В согласии с этим, поэзия есть по преимуществу *синтез*, а беллетристика по преимуществу — *анализ*. Это развитие наиболее ярко проявляется и, стало быть, легче может быть замечено в созданиях гениев. Образцы настоящего художественного синтеза — *Дон-Кихот*, *Гамлет*, — образцы беллетристического анализа — *Фауст*, *Мефистофель*. Оттуда и хорошо знакомое каждому из нас различие в восприятии тех и других: *Гамлет* и *Дон-Кихот* вызывают в нас своеобразную работу мысли (опять-таки индуктивного пошиба), сопровождаемую особой игрой чувств, — эта работа и эта игра известны под традиционным (и неудачным) названием «эстетического наслаждения»; *Фауст* и *Мефистофель* вызывают совсем иную — аналитическую — работу мысли и, если вы при этом все-таки испытываете нечто в роде «эстетического наслаждения», то оно идет не от воздействия самих образов, а от чудных стихов, выражающих глубокие мысли и содержащих много высокого лиризма. Полагаю, всякий, кто привык разбираться в своих ощущениях, согласится со мною.

Как показывает пример «Фауста» Гете, беллетристические образы могут иногда служить высшим целям и получить значение общечеловеческое. Но в огромном большинстве случаев, беллетристика вызывается потребностями места и времени и создает произведения, значение которых ограничено пределами нации и эпохи. За эти пределы беллетристические образы, в большинстве случаев, выходят лишь тогда, когда они соединены с образами художественными. Такое соединение наблюдается весьма часто. Сравнительно — немногие поэты-художники создают произведения, состоящие сплошь из образов художественных. У большинства к образам чисто-художественным (индуктивным) примешивается и то, что мы называем беллетристикою, т. е. образы аналитического происхождения. Тогда последние, блистая, так сказать, отраженными

А. Давыдов-Куликовский